

Линь Сяоча посмотрела на Хань Юя, который сидел на стуле и играл со своей нефритовой чашей.

Его лицо было святым и красивым, но цвет лица в это время был некрасивым. Невидимое принуждение заполняло всю комнату.

Но его взгляд был совершенно иным, чем в ту ночь. Он был прозрачен, чист и холоден, как обычно.

Линь Сяоча подумала, что его память должна была быть обрывочной, потому что он был пьян, и не мог вспомнить, что тогда произошло.

Поэтому она собиралась попробовать еще раз, моргая абрикосовыми глазами с невинным выражением лица. "Разве Сяньцзюнь не привел меня сюда, чтобы принять меня в ученики?"

Она выглядела такой наивной. Если бы она была кем-то другим, она бы не осмелилась сказать ничего другого.

Хань Юй посмотрел на нее. Спустя два года он знал, чего хочет.

Поскольку он ошибался раньше, он не хотел ошибаться снова и снова. Он вновь обрел то, что потерял, и решил дорожить этим.

Но он видел ее такой же, как два года назад, как будто всего того, что они пережили вместе, никогда не было.

Хань Юй неизбежно сильнее сжал чашку в руке.

"Знаешь ли ты, что значит быть учителем и учеником?"

Почитание тебя как учителя означает, что между нами будет воздвигнут высший моральный барьер, подумал Линь Сяоча. Ты продолжаешь быть своим высокомерным сказочным принцем, а я продолжаю преследовать свою мечту о ста миллионах.

Мы оба будем жить своей собственной жизнью.

На ее лице появилось серьезное выражение: "Изучать знания, защищать страну, практиковать заклинания и искоренять насилие".

Хань Юй холодно сказал: "Учитель на день - значит отец на всю жизнь".

Линь Сяоча подумала: А ведь я не ошиблась.

Он совершенно не похож на Шан Юаня. Он человек, который уделяет большое внимание этим правилам.

К счастью, он не помнил событий той ночи. В противном случае, с его уравновешенным характером, он бы не отпустил ее. Он бы точно захотел взять на себя ответственность перед ней, не говоря уже о том, чтобы принять ее в ученики.

Думая об этом, ей очень хотелось прижать ладонь ко лбу и вздохнуть. Ей не следовало прислушиваться к своему дьявольскому порыву.

Но как можно не допустить ни одной ошибки за всю жизнь?

К тому же он первым поддразнил ее после того, как напился.

Линь Сяоча, в душе сожалея, но с благовоспитанным выражением лица, серьезно кивнула: "Сяоча знает. В будущем Сяоча будет почтительна к вам".

Кровь Хань Юя прилила к сердцу, глаза стали холодными, а нефритовый кубок в его руке треснул со звуком "хлоп". Он разбился на кусочки.

Затем он быстро исчез.

Линь Сяоча коснулась своего яйца и вздохнула, Сяньцзюнь, Сяньцзюнь. Два года назад я дала тебе столько возможностей, которыми ты не дорожил, и в этот раз ты тоже не вспомнил.

Это не моя вина, верно?

Тебе не суждено заполучить меня.

Подумав об этом, слабое чувство вины в ее сердце исчезло без следа.

*

На пике Бучжоу.

На этом пике расположилась лекарственная секта. Вся гора наполнена синим дымом от различных алхимических процессов и очищенных лекарств, покрывая пик Бучжоу, как облако.

На пике Бучжоу появился синий свет, разорвав слой дыма.

Из трещин хлынула духовная сила.

Все посмотрели вверх, и все были ошеломлены, когда увидели красивого мужчину в белом над голубым светом в небе.

"Это... второй старейшина?"

"Второй старейшина!"

"Зачем пришел второй старейшина!"

"Это действительно второй старейшина?"

Синий свет замерцал, и человек с высоким нефритовым телом встал на свой Морозный меч.

Лица учениц покраснели, а некоторые, увидев его, растерялись. Они невольно загубили лекарство в своем котле.

Ученики-мужчины тоже восхитились, увидев его. По силе ему не было равных в Горе Тяньюй. Просто его характер не подходил для роли лидера. Поэтому на сегодняшний день первое место в Горе Тяньюй занимал Цзян Чэнцзы. Он был таким удивительным и блестящим универсалом,

единственным во всей стране Чжу Юнь. С момента основания страны не было никого другого.

Для учеников-мужчин он был верховным идолом, а для учениц-женщин - тем, кто может явиться только во сне.

Хань Юй последовал за учеником во внутренний зал.

Во внутреннем зале мужчина и женщина сидели в гостиной и играли в игры.

Мужчине на вид было около тридцати лет, он был одет в простой и элегантный зеленый халат, выдававший его необузданный характер.

Люди не могли определить возраст женщины. Скорее всего, они бы сказали, что ей 20 или 30 лет.

Она покачивала веером из белых птичьих перьев и была одета в лунно-белый атласный халат, отчего выглядела еще более нежной и элегантной.

Хань Юй не стал специально скрывать свою духовную силу в Горе Тяньюй, поэтому еще до его появления они могли почувствовать, как его мощная духовная сила с чувством подавления приближается к ним.

Рука женщины, которая трясла веером из перьев, внезапно остановилась, и она посмотрела на мужчину напротив нее: "Редкий гость здесь."

Человек в зеленом халате поставил шахматную фигуру. Он сделал глоток вина из стоящего рядом кувшина.

"Наш великий бог в последнее время становится все более ненормальным. Это ведь не с моей головой всё не в порядке, верно?"

Женщина прикрыла рот веером из перьев и посмотрела на него: "Ты знаешь, что второй старейшина может услышать все, что угодно от ветра. Ты осмелился быть таким смелым и сказал это".

Мужчина в зеленом халате - пятый старейшина, Цин Ранцзюнь из секты медицины, а женщина - фея Мяоинь, седьмой старейшина.

Фея Мяоинь встала и поклонилась Хань Юю.

Цин Ранцзюнь повернул голову и улыбнулся Хань Юю: "Второй старейшина, второй старейшина, почему ваше лицо темнее, чем дно котелка? Что случилось? Только-только протрезвел?"

В его тоне было много насмешки.

Хань Юй не стал слушать его поддразнивания и без приглашения сел в стороне.

Он был очень зол на Линь Сяоча и покинул пик Шанхай. Сначала он хотел пойти на Туманный пик, но боялся, что Цзян Чэнцзы потащит его играть в шахматы. Во-вторых, он подумал, что Шан Юань тоже был на Туманном пике...

Поэтому он был здесь, на пике Бучжоу.

Цин Ранцзюнь внимательно посмотрел на Хань Юя: "Удивительно, я ожидал, что у тебя будет очень плохой цвет лица, но у тебя очень хороший цвет лица. Впервые за последние два года я увидела, что ты немного похож на человека".

Фея Мяоинь тоже посмотрела на Хань Юя и кивнула. "Это правда."

Хань Юй не ответил. Как только он открыл глаза, Линь Сяоча попросила его стать её учителем и сказала, что будет хорошо его уважать. Его грудь распирало от гнева. Теперь же, когда они это сказали, он обнаружил, что все его тело действительно посвежело.

Это не должно иметь ничего общего с Семидневным Опыянением.

Обычно, сколько бы дней он ни спал после пьянки, он просыпался с раскалывающейся головной болью, но сейчас он был чрезвычайно бодр.

Но он жестко ответил: "Я так не думаю".

Цин Ранцзюнь усмехнулся и сказал: "Не хочешь ли пропустить стаканчик?". Хань Юй был не в настроении и повернул голову: "Нет".

Цин Ранцзюнь: "Да, насчёт той новенькой. Что случилось с духовными камнями секты Королевского Зверя? Что с тем красным светом в небе?"

Фея Мяоинь тоже отложила свой веер из перьев и посмотрела на Хань Юя. Все было слишком ненормально.

Хань Юй опустил глаза и слабо ответил: "Я не знаю".

Оба знали, что его рот трудно развязать, и неохотно оставили эту тему.

Цин Ранцзюнь улыбнулся и сказал: "Я слышал, что без духовного камня вся секта Королевского Зверя ошеломлена. Они даже не могут определиться с внутренними и внешними учениками".

Он не скрывал злорадства в своем тоне.

На протяжении многих лет секта Королевского Зверя полагалась на Императрицу, чтобы поддержать себя, будучи необузданной и властной.

Фея Мяоинь: " Ладно тебе, насколько плохо будет, если шестой старейшина услышит это?"

Цин Ранцзюнь снова улыбнулась, подмигнув Хань Юю, и сказала: "Второй старейшина поддерживает меня. Чего мне бояться?"

Он спас жизнь Хань Юю пятьсот лет назад, поэтому Хань Юй был благодарен ему и не беспокоился о его непокорном поведении.

В это время Цин Ранцзюнь сказал Фее Мяоинь: "Почему ты сегодня не взяла с собой того старого ученика?".

"В чем дело?"

"Чтобы он разбавил нашу скуку своим цинем. Посмотри на второго старейшину. Он почти замерз на месте".

Фея Мяоинь похлопала Цин Ранцзюня веером из перьев, давая понять, чтобы он не шутил, а затем вздохнула: "Этот глупый мальчишка влюблен".

"Ле Чи тоже может быть влюблен? Кто эта девушка? ? "

"Ты помнишь ту младшую сестру из секты меча? Она была очень хороша."

"ах Помню, помню. Разве не каждый день она бежит за этим вашим глупым учеником. Но разве он не игнорирует девушку?"

"Да, После того, как девушка совсем сдалась, он проснулся и почувствовал, что девушка ему нравится".

Хань Юй, стоявший рядом с ней, внезапно открыл глаза.

Цин Ранцзюнь слегка фыркнула: "Не слишком ли это банально?".

Брови Хань Юя дернулись, и он едва не выкашлял свои легкие.

Фея Мяоинь пристально посмотрела на Цин Ранцзюнь, после чего он замолчал.

Она снова вздохнула: "Если говорить о моем глупом мальчике, то он тоже сам виноват. Девушка преследовала его так долго. В то время он был высокомерным и тугодумом, думая, что его не тронут. Как ты думаешь, ты можешь что-нибудь с этим сделать?"

Цин Ранцзюнь ответил: "Что я могу сделать? Видишь ли, когда я увидел тебя с первого взгляда, я понял, что ты должна быть моей в этой жизни. Поэтому я никогда не был похож на тех двух глупцов, которые не знают, как дорожить этим".

Фея Мяоинь выглядела застенчивой и посмотрела на Хань Юя. "Второй старейшина здесь. Ты действительно несерьезен".

Хань Юй раньше не мог понять сальности и кривоногости этих двух людей, но теперь почему-то чувствовал себя более ослепительным.

Когда он уже собирался уходить, он услышал, как Цин Ран сказал: "Кстати, мой новый ученик оказал мне честь и подарил вот это, сказав, что это привезено из-за границы".

Прозрачная хрустальная коробочка выплыла из Цин Ранцзюня и зависла в воздухе.

В коробочках лежали различные закуски в виде цветов, которые были настолько изысканными, что даже Фея Мяоинь, прожившая очень долгое время, почувствовала, как бьется ее сердце.

"Это не очень много, но я думаю, что всем девочкам в мире это должно понравиться. Ты можешь отнести его своему глупому ученику, и пусть он подарит его своей маленькой сестренке..."

Не успел он закончить свои слова, как коробка исчезла на его глазах.

Он увидел Хань Юя, держащего коробку с закусками, и легкомысленно сказал: "Спасибо".

Сказав это, он исчез из внутреннего зала пика Бучжоу, оставив после себя высокоуровневое магическое оружие.

Фея Мяоинь смотрела на исчезнувшего человека с отвисшей челюстью. Цин Ранцзюнь шипел: "Этот парень~ что-то не так, это слишком неправильно".

Хань Юй посмотрел на закуски в своей руке, думая, что они должны ей понравиться. Однако, когда он оказался на пике Шанхай в воздухе, он увидел Линь Сяоча и человека в развевающемся белом халате, стоящих друг напротив друга.

Человек в белом - Шан Юань.

Линь Сяоча, глядя на Шан Юаня, была так счастлива, что готова была задрожать.

Она пыталась сдержать слезы на глазах.

Ты здесь. Наконец-то ты здесь.

Я ждала тебя семь дней!

Ждать тебя было так тяжело!

Теперь, когда этой феи нет, мы можем пожениться?

Но на ее лице появилась застенчивая улыбка: "Зачем Сяньцзюнь Шан пришли сюда?"

Шан Юань передал Линь Сяоча бамбуковую карточку: "Это временная карточка доступа на Туманный Пик. Все новые ученики должны сначала пожить в Туманном пике, чтобы изучить правила горы Тянью. Я думаю, что ты никогда не была здесь, поэтому я здесь, чтобы дать тебе его. Помни, не затягивай с обучением".

Линь Сяоча услышал это и задумался: Туманный Пик! Не тот ли это пик, где находится Шан Юань?

Я иду! Я иду!

"Спасибо, Сяньцзюнь Шан. Как Сяоча мог отнять у вас столько времени? Мне так неловко."

Она говорила мягко, но очень волновалась. Скажи мне! Ты так сильно меня любишь. Почему бы тебе не сказать!

Скажи мне, чтобы я смогла найти с тобой общий язык и выйти замуж!

Шан Юань лишь с нежностью смотрел на нее. Возрождение позволяло ему предвидеть, что произойдет, поэтому он мог все сделать заранее. Сейчас не стоило тратить время на детские любовные отношения.

А У'эр все еще нуждалась в том, чтобы стать лучше, пока ее яйцо не вылупилось.

Возможно, после этого в этом мире произойдут серьезные изменения.

Линь Сяоча закатила глаза и внезапно закрыла их.

Шан Юань: "Что случилось, госпожа Линь?"

Линь Сяоча: "Кажется, в мои глаза попало немного песка".

Шан Юань не мог не почувствовать пульсации в своем сердце, глядя на красивую и нежную девушку перед ним.

Он не мог ничего поделать, действительно не мог.

"Не натирай глаза. Я сам тебе их протру".

В этот момент он вдруг почувствовал ледяной взгляд и удушающую духовную силу позади себя.

Линь Сяоча прикрыл один глаз и дрожащим голосом сказал: "Сянь, Сяньцзюнь?"

Когда ты вернулся?

<http://tl.rulate.ru/book/57527/1688538>